

ОБЛОЖКА (sborn.copy)

Фотография (photo.sborn)

*Ш*муцтитул (*smutstitul*)

М.

ISBN

- ▲ Р.Левчин. Текст, дизайн.
- ▲ А.Степаненко. Графика.
- ▲ Р.Котликов. Фото.

ЮГ

непоэма

Анг.

1.

1. МУЗЕЙ

Герб мой присоленный, твёрдый сплав — Тавроготика,
крымская степь, красная мать-владычица!
Рыба, ошалева, в известняки тычется,
словно полуденный памятник моей зачумленной гордости!

Рядом с огромным материком, бронеколёсной глыбою
маленький Крым-велосипед, полупрозрачный, чванится.
Каменеют рога вперемешку с двойными рыбами.
В горном котле крепчайшее время варится.

В нём красновато распались стыд и любовь, которыми
пористый чуткий пляж инкрустирован наскоро...
Колыбель костяная, нагретый прибор истории,
каплю лилового сока отдай мне, ласковый!

2

Душа не может телу повторить,
чего ей, грешной, хочется от тела.
И тело пить пытается,
курить,
играет в секс...
Как будто в этом дело!

Тела
сбегают в грецкий монастырь,
поклоны бьют,
лбы расшибают сдуру...

Клуб чёрных душ —
огромный нетопырь —
парит.
И ветер дует с Юга.
Дует.

3. МУЗЕЙ, СЕКТОР НАСТЕННЫХ НАДПИСЕЙ

«Дружно ударим нашей чистой любовью
по ихнему грязному порнобизнесу!»
«Жду тебя со вчера...»
«Машина —
лучшее занятие
для мальчиков!»
«Пей до дна, ты не одна!»
«Куклу
любят все
девочки!»
«В ногах правды нет, но счастья нет и выше!»
«Жаль мне тебя, стена, каждый дурак на тебе пишет!»
«Сам дурак...»
«Кто там в кадре, кто за кадром —
ничего уж не понять.
Наш главреж такая падла,
раз-два-три-четыре-пять!»
«...пять кило помидоров, три кило салатного перца,
полкило красного кусучего перца и триста граммов чесноку...»
«...в 62-й аудитории в 16.30 обсуждение проекта реконструкции
Вавилонской телебашни...»
«Чтобы создать реальность,
добивайтесь невысказанного!»
«Приходи ко мне на пляж,
расстреляв патроны,
и со мною рядом ляжь
невооружённый!»

4. МУЗЕЙ, СЕКТОР НАСТЕННЫХ НАДПИСЕЙ

(продолжение осмотра)

...Ещё надпись сбоку,
вроде хокку:
 «Убей,
потом попробуй оживить.
И оживив, посмей
 опять убить!

 Любимая,
в день встречи невзначай
день смерти для меня
не назначай!».

Рядом с ней
автопортрет.
Тела нет.
Только точка... запятая...
в общем, рожица кривая.
Через висок — гвоздиком наискосок:

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.

Любимая моя,
как ты прекрасна!
Особенно,
 когда,
 наперевес
дензнаки взяв,

на нас идёт опасность,

9

и скалится ухмылкой

Венский лес.

И есть барьер.
Я точно ощущаю.
Привык.
О нём спокойно говорю.
За то,
что ничего не обещаешь,
особенно тебя благодарю.

Любимая моя,
я волком вою
и погружаюсь в ненависть без дна,
когда ты не одна,
когда вас двое...
всегда ты не одна...
ты не одна...

Любимая моя...
как ты прекрасна...

Любимая...

МОЯ...»

5

Весь из ножей,
из юных женщин
и нежных жён,
был белым фосфором увенчан
Гурзуф
и заживо сожжён.

(Гурзуф — условно.
Это фон.)

Втг

6. МУЗЕЙ, СЕКТОР ПАМЯТИ, ВРЕМЯ НЕРАБОЧЕЕ

Младшая научная сотрудница Неонила

Раушняк,

вспоминая происшедшее, говорила

так:

«Облака Луну куда-то несли.

Он, конечно, сигареты посеял.

— О, — говорит, — заодно и курить бросим!..

Потом мы широкую лодку нашли.

Брюхом в песок.

Без вёсел.

Он, конечно, давай разливаться:

мол, отдадимся на волю стихии

морской,

пусть нас несёт

мимо Турции,
Греции,

сквозь Гибралтар,

к

Новому Свету...

А я ему:

— Ишь, хитрый какой!

Да уберите руки!

Здесь вам ничего не светит!..

Он, конечно, в лучших чувствах своих обнесён

и в серьёзных намерениях не обеспечен.

Но ведь нельзя же так жить, будто всё это — дивный сон!

Когда-нибудь да проснёшься — а ты уже изувечен!..»

12

7. МУЗЕЙ, СЕКТОР БОЛЕВЫХ ТОЧЕК

дай-юань — 15-17

и-щи — 26-27

шу-чу — 13-16

Замшевый воздух кожи пустой, как блюдца.
Не могу уснуть, не хочу проснуться.

Так и брожу — о боже, как долго, долго! —
между водой и жизнью, между бедой и домом.

Так и брожу, постоянно уснуть рискуя.
Так и дышу — то в одну ноздрю, то в другую.

Так и дышу — верблюд без ушка иголки.
Замшевый воздух кожи меня приглашает в гости.

Замшевый воздух кожи меня принимает в долю
между бедой и жизнью, между водой и домом...

8

- О чём ты всё время думаешь?
- У меня привычка такая — всё время думать.
- Не может быть, чтобы это были только мысли. Я же вижу, тебя что-то мучает. Что? Или это нельзя сказать?
- Можно.
- Скажи.
- Потом.
- Сейчас...

Стг

9

...Несколько шагов, и кончики её груди
ритмично подрагивают под белой тканью.

Как пёрышки самописца...

Dmg

**10. ПИСЬМО БЕЗ АДРЕСА И НАЧАЛА,
ЗДЕСЬ ОНО СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНО**

...а крик живёт в лесу
и ногтем метит девушек
простуженных.
Вот я проснулся.
Вот меня несут
топить в спирту,
как чёрную жемчужину.
Кормился
раем
и сырками плавлеными.
Да всё приел.
Как в голубом кино.
Лишь света невесомое руно
от головы,
красивой и неправильной.
Дорога
изначально нелегка.
Вот этот дом
зелёной мордой клоуна
похож на театральную столовую.
Три брата в нём живут и мясника.
Вот в этом доме
женщина живёт,
копыта вместо пальцев ног имеющая.
Но, впрочем, говорит, что это мелочи,

и цокает подковкой
круглый год.

16

Вот здесь в тот раз стояли отдохнуть.
Хозяин вышел и послал их к матери.
И с той минуты —
слушайте внимательно! —
он вместе с нами продолжает путь.
Девчушка
вышла
флагом помахать.
Похожа на тебя.
Такой же
локоть...
Товарищ с Востока
ликует жестоко.
Есть, значит, на что ликовать.
Кто умрёт — уже не воскреснет.
Надо глядеть в глаза.
Флаг — у неё,
у этих вот — песня.
И все скользят...
скользят...

Мне потому ещё здесь так тяжело
в невисокосный год,
что приходится в кофейных чашках
расковыривать бежевый лёд.

11

Блеснут осколки
стоваттной лампы
над нами —
осколками расы атлантов,
обломками башни
до стратосферы,
обмылками лимба,
рывками веры.

Генерация
из мандрагоры,
из древка, не испытанного на усталость,
это — ты,
это — я,
это — Город,
клинопись
кирпичом по металлу.

Клинки языков,
переплёты сексов,
закон, безвольней любой удачи,
это — ты,
это — я,
это — экспорт!
И это для них ничего не значит!

Мы пили, пили, мы без просыпу пили
из перламутровой чаши неба,

18

богов веселья себе лепили,
кормили их кровью,
любовью,
мясом
других
богов,
героинь,
героев,
отличников боевой подготовки.
Бродило время — осёл вокруг краба.
Наша вечность тянулась тонкой
царапкой опалы
вдоль чистой вены...
И втравлена там, где её не хватало,
бездымная формула сфер вселенной
мочевой кислотой по металлу.

Не пивная здесь и не узел связи.
Спрячт бог и луна в голубом унитазе.
Память, вербующая гренадёров,
ещё обнаружит свой пасквильный норов
и пойдёт петлять снежным кроликом,
а то зубастой, жёлтой и голенькой.

Свои скульптуры,
свои поцелуи,
свои логические структуры
сажают они на края плотины,

на книжные полки,
на женские плечи,

19

желтеющие от безлюдья и грима...
Попадают в яблочко, целясь мимо.

Да уж лучше пусть потолки твои рухнут,
пусть корабли твои на куски распадутся,
пусть сыновья твои отрежут
отцам носы, пустые, как пасти!..

Это ты.
Это я.
Без скафандров.
Без счастья...

Emg

12

Осень кровью слепит сквозь кристаллы снов,
лиловых, жёлтых, изнуряющих глаз,
сквозь липкие муравейники
неразделённых слов,
сквозь проборматывание
неразделённых ласк.

Кровь кормиться готова
следами пальцев твоих.
Вариантов твоих волос
в пространствах дрожь.
Отплывает, крутясь, от башни
неразделённый стих,
неумышленно подчиня
огонь и дождь.

Я гляжу в тебя
сквозь тёмную линзу вод,
свитеров, трамваев колючий калейдоскоп...
Я живу услышать неправильный оборот.
Я живу,
как трава растёт,
засыпаемая
песком...

РЯЖЕННЫЕ

непоэма

Fmg

2

I

Ноздреватые стены полусна, полулюбви.
Посредине — бассейн, и мальчик бронзовый с веткой.
И тритон желанием ёлочным нас тревожит нередко,
и, летучее будущее, не коснись головы!

На пределе этого сна дрожит строка.
чем-то жертвуем, чтобы ничего не дарить.
Любит, не любит, плюнет издали,
к сердцу прижмёт, выйдет перекурить.

Кровь туманит жажда; плохой актёр, упаду к воде,
с родственной влагой глаза смыкая всё чаще.
Ждёт своей череды кормовая ложь нелюдей,
рассекая надежды душ и души надежд настоящих.

Спрятать профиль; прежде чем прикоснись,
спрятать профиль с медали, сей горделивый росчерк!
Это ад идеи и всё, чем небрежна жизнь.
Спрятать профиль твой и так далее, и всё прочее.

Мой язык мечтает о знаках тебя назвать.
Моё тело не помнит сил, видящих твою душу.

Диалоги растут — их ещё предстоит оборвать;
и законы чеканятся неподдельной игрушек.

24

Избегавший игры не знал, что он сам — Игра.
Перемена знака даёт лишь перемену знака.
Кто-то пустит с лестницы панцирное «урррра!».
Все слова — лишь невнятный бежевый шум.
И однако...

Gmg

II. Из разговора

- Вы, наверное, читаете?
- Да, читаю иногда.
- Что же вы предпочитаете?
- Что проходит без следа.
- Вы, мне кажется, волнуетесь?
- Да, волнуюсь всякий раз,
когда вы со мной целуетесь —
много лишнего от вас!..

Hmg

Ш

Царь Ирод, Воин, Ведьма, Чёрный Пёс,
два Ангела и Чёрт,
который нёс
семь Душ в котле чугунном — вся компания
была весьма щедра на обещания.
Огромные и пёстрые тела...

А впрочем, веселилась, как могла...

А я украл для тебя со стола мандарин
маленький, сунул в нагрудный карман
на глазах у всех,
повернулся да и ушёл один,
чопорней, чем
английский секс.

Уходил, дурак, как в стенку гвоздь.

А вдогонку мне неслось:

- Надо б разобраться в этой авантюре,
что — де-факто, а что — де-юре!..
- Как вы считаете, он это искренне?
- Лично мне любопытней, оправдан ли риск его!..
- Заверните его! Сгодится ещё!
- Ой, да ну вас! Сплюньте через левое плечо!!.

3

IV. Из письма Ирода

«... во времена римского владычества я был директором бродячей труппы, одним из тех чудаков, которые отправлялись в Сицилию и покупали там женщин, чтобы сделать их комедиантками...»

V

Гаснет день, и я пробуждаюсь.
Ночь горяча, мягка.
Что толку оплакивать мечтательную страну,
где мы не живём уже!
Впереди — двенадцать часов пути.
Лучше и не придумаешь:
расплеваться с семьёй и с родиной,
плюнуть на обстоятельства,
глупые, сильные, жизнь.
Лихорадочны сборы при фонарях,
спичках, бумажных факелах,
красных зайчиках лазерных.
Свежеет к утру.
У меня внутри открылась отдушина голодно,
и воронкой в неё утянулись волнистые пряные запахи.
Ночь, всадник со скульптором на плечах,
всё же упорство чего-то да стоило,
может быть...
Разнообразные любовники Нежности, все
мы изгнанники.
Не выклянчить
знания,
ни религии,
ни надежд на бессмертие.

Сумасшедшие
к нам так и тянутся.
Почему-то собрание
убитых и неубитых катуллов

30

происходило в убежище.
Перед дверью открытой
мы упирались,
мы кричали:
«Секрет!»
Признайся, какой же ты каин?
А ведь авель?
А
от дождя и солнца
голубоватый мрамор
стал бледно-жёлтым,
плотью, живой от жажды.
Я сегодня был
мужчиной, женщиной, стаей,
я катался верхом в лесопарке глухом,
книгу красных жалоб читая.
Плод срывается спело, поделом вору и ласка.
Тело
моя самая жгущая маска.
Античные головы
себе на уме, улыбки.
Старые мастера
взглядом поверх голов:
так, циркульная пила,
отлично.

VI. Из материалов пресс-конференции

- Что Вы можете сказать, например, о Ведьме?
- Никогда не появляется без маски. Ходят даже слухи, что Ведьма — мужчина. Чепуха, конечно: в труппе вообще нет мужчин, все мужские роли исполняются женщинами.
- Как, простите? А Вы?
- Ну, я...

Я песня спасённой девы,
я стук четырёх колёс,
я пою, выжимая воду
из моих сожжённых волос.

Хор:
слепые поют наощупь,
слепые поют наощупь...

О том, что дракон зарезан,
что яблока стук в траве,
что звёзды взошли над лесом
следы живые твои.

Хор:

слепые поют наощупь,
слепые поют...

32

Слепые поют на память,
зачумленные, в кострах.
Тяжёлый памятник — пламя,
чтоб не разлетелся страх.

Хор:
слепые поют...
слепые...

я песня ужасной Девы...

Img

VII

Как срывают маску-пластырь,
как удар
поленом
вдруг встречаем:
— Здравствуй!
— ...здравствуй...

.в маленькой вселенной...

— ...что ж портфель ты носишь слева?
Справа надобно носить!
— Я ношу попеременно,
чтоб осанку сохранить...

Приклонюсь щекой на глобус,
что уселся в позу «лотос».
(Где ты, друг мой?
Где ты?..
...друг?)
Это — север,
это
Юг.
Эта точка —
Барселона,

эта —
Генуя.
А вон там, повыше,
Зона.

35

Наша.
Эрогенная...

— Чем сложнее конфигурация,
тем хуже цивилизация!
— Но зато уж экзистенция
не влияет на потенцию...

И опять ты проходишь мимо, и
взгляд мой голоден наяву.
Снова яблоко соблазна, любимая,
яблоком раздора
зову.

VIII

Переговорный пункт. Девушка
с аккуратной круглой головкой,
в круглых очках, тоненький свитер,
джинсы, напрягшись.
Под моим взглядом переменила позу.
Ты
ни за какие коврижки
не меняла бы позу под взглядом,
ты всегда, сколько знаю,
безупречна в пространстве...

Jmg

IX

— У тебя четыре маски,
у тебя четыре тела,
тело-мини,
тело-макси...
Ты сама того хотела!

— У меня четыре тела,
у меня четыре сердца.
Я сама того хотела,
а теперь — куда мне деться?
Но ведь мы и в масках — люди!
Ты не хуже — лучше всех!
Каждый день проси о чуде!

— Каждый день мой — жадный грех...

(Мы внидем в страны — нет у них границ
и снимем маски — а под ними лиц
нет...)

Горит Восток зарёю старой,
сплошь маск-культурен небосвод,
а Ирод-царь берёт ситару
и сильным голосом поёт:

— В далёкой, но прекрасной Атлантиде
атлант женился на кариатиде.
Он бормотал ей разные слова.
Плыла русалка к берегу морскому.
Теряли всадники дорогу к дому.
Гудела кровь.
Болела
голова.

Как страшно мы себя не замечаем!
Приходишь в гости — угощаю чаем
вместо того, чтоб руки целовать!
А волосы твои слепят всецело...
Порой продать согласен чёрту тело,
да покупатель явится едва ль!

Романтика — прельстительное дело!
Плывёт у горизонта каравелла,
плетётся по пустыне караван...
А завтра на работу в восемь тридцать.
Уже и не мечтаю застрелиться
тут хоть бы не болела голова!

Ах, боже мой, какое наслажденье,
когда с висков снимают напряжение

и стелется под ветром трын-трава!
А если ждёте вы чего другого,
то вспомните: вначале было Слово,
ну, а потом — слова, слова, слова...

39

Спокойствие
есть лучшее лекарство.
Никто уж не венчает нас
на царство.
Русалки тихо плещутся в воде.
У них такая чистая работа,
что их не видит, высадившись, рота
не только здесь, но и вообще нигде.

(Тут инструмент к другому персонажу переходит,
которого не стоит называть.
Он иногда вообще без верхней маски ходит.
А впрочем, всем на это наплевать.)

— Тёплым шарфом по шее
мягко стелется кровь.
Вот уже без ушей я,
а пою про любовь.

Море полусухое,
ветер полуслепой.
Я расстался с рукою,
но пою про разбой.

И осталась в капкане

что похуже нога...
А преследовать манит,
и пою про врага.

40

Жизнь приходит к нам силой
с Юга и покидает
нас, уходя на север —

6

Х

Я не хочу возвращаться в античность,
я не хочу возвращаться в провинцию,
я не хочу возвращаться,
я не хочу,
я не
я.

В наших сёлах,
зелёных и жёлтых,
раздольно живут вовкулаки.
Они в сумерках через голову кувырнутся
и волками становятся,
а на рассвете
они снова людьми обернутся.
Здесь в лунные ночи
молодые ведьмачки
превращают мужей своих сонных
в коней
и на них верхами гасают.
Здесь колдуньи
злые соль подсыпают в коровьи следы,

чтоб отнять молоко,
а добрые, только попросишь, зашепчут гадючий укус,
искупают дитя слабосильное
в отварах из пупыря, каржавки, любистка,
чтобы выросло исполином.
Здесь живёт ещё бог стародавний лесной,
он с медведями возится в чаще,
на вершины деревьев плюёт,
подвывает пастушеским дудкам,
бог поганский
сияет ночными огнями,
знать не знает
другого,
вашего
романтика-бога,
разодетого в золото.

Kmg

может быть, даже без денег...

45

XII

Мы говорим о пустяках и горестях,
о том, что прочно дело на крови.
Плывёт, плывёт, не изменяя скорости,
заносчивая лодочка любви.

Который век вот так уже болтаем мы,
и нет для нас ни смерти, ни жены.
Плывёт сквозь упования и отчаянья
старательная лодочка луны.

XIII. P.S.

На бумаге бывают жёлтые пятна —
это дерево проступает обратно.
В тёмном свете оранжевые они.
Так лоза из солнца пьёт сновиденья,
и ей нет до жажды и жадности дела.
Желаешь тонуть —
тони!

Солнце тоже ждёт, того и не зная.
Золотая, чёрная, золотая,
полосатая одежда судьбы.
Под одеждой — душа, она же и тело,
и ей нет до жажды и жадности дела.
Кто тебе мешает
любить?

XIV. P.P.S.

Ты проснёшься скоро. Кофе закипает.
Нас кофейной пеной время обступает.
Время всё точнее, пена всё пышнее,
всё горчит сильнее.
Я тебя люблю!

И стихи, и звёзды время уничтожит,
и цветы, и птиц, и нас с тобою тоже.
Но за то, что мы с тобой не разминулись,
будь благословенно, время во хмелю!

Если мы не вместе, времени — избыток.
Колесо его — для бега и для пыток.
Время всё быстрее, жажда всё острее,
всё горчит сильнее...
Я тебя люблю!

Были мы когда-то существом единым.
Как же я теперь смогу тебя покинуть?
Как же я теперь...

7

МАГАЗИН ПРЕДМЕТОВ

непоэма

Lmg

I

Среди прочих вспоминал его фантаст
не один — да вот Уэллс соврать на даст!
Призабытые, как воды, чудеса:
лица, блёстки, смех, объятья, голоса,
дом, в котором я тебя не поселил,
и цветок, что я тебе не подарил,
и оружие для рыцарских боёв —
безопасно, даже если и убьёт.
В магазине, на миру, красна и смерть
(забери меня — любимую не смей!).
А над входом — драгоценный циферблат,
стрелки крутятся и крутятся назад.
Хоть и поздно я узнал, что не один,
мне откроет всё же двери магазин.
И не будет больше бед в моём дому,
сладость мести мне отныне ни к чему,
я забуду напрочь слово это: «месть»...
(Этот текст и сам воспоминанье есть,
золотым прикосновением течёт...)

— Извините, но у нас переучёт!

II

Зачем ты здесь?
За что ты жив?
За чей ты счёт в вопросах властен?
Учти, что душам ни ножи,
ни лампы не нужны,
ни ласты,
ни крылья...
В молнии живёт
душа,
над водами летает,
а тело хвастает — и вот
кофейной гущей выпадает.

Ш

Дождь,
дождь опустился на город

по складной
шелестящей
стремянке.

Дождь разменивает свою оловянную мелочь,
рассылает своих насекомых стеклянных.

Дождь, дождь, лампа.

Не вернуться в лето,
не вернуться в лето,
не вернуться...

Дождь, дождь, дрожь.
Надоедливый дождь. Влюблённый.
Не забудь, не забудь, помни...

Над холодным пляжем, над отпечатками наших тел
барражируют инопланетные блюда.
Им плевать, что они легко узнаются.
У них другие проблемы...

Дождь, дождь.

Дождь.
Дочь.

53

IV

Тело пляшет, гневается, пишет.
В нём страдание.
Это — навсегда.
Нас вбирает дождь без передышек.
Смерть и осень — там ли, где вода?

Комната твоя, как толстый свитер.
Травы проступают сквозь слова.
Дождь прошёл.
Ваш город слёзы вытер.
Где-то затерялась голова...

Разбирайте старые заказы!
(Лет ушедших чёрная тесьма...)
Ждать письма, люблю, чеканить фразы.
Ждать письма.

V

Ни одна форма не может быть совершенной.
 Как далеко заведёт изученье предметов:
 предметов еды и сна, драгоценностей лета,
 запруд тёмной любви, реквизита красной ли сцены?
 Обряды, толкаясь, лезут на головы ритуалам:
 полёт Лириенталя на планере-биplane
 вокруг головы Молоха, набирающей свет в тумане,
 словно горящий корабль!..
 но и этого мало!

Напротив меня в вагоне метро — человек

B

коричневой шляпе

(да-да, больше на нём ничего не надето!);
 и шляпа, и обладатель её принадлежат к предметам,
 и предметно их возвращенье в дом,
 где из крана паденье капель
 в пустоте...
 И моя тоска,
 бесстыдная рана
 (я пытаюсь скрыть её, сжимая края, а она всё больше,
 всё подобнее карте средневековой Польши,
 чей вассал — Тевтонский орден...).

И зеркало-обезьяна...
И слепая зубная щётка...
И, лёгшие продолговато
голоса в лесу, шероховато-зелёном...
Завтрак — белый предмет

55

(мальчик-кукла, сахар и вата).
И эшафот — бодрый предмет неопределённый...

Воют предметы-красавцы, лебезят предметы-уроды,
мельтешат перекусывающие друг друга предметы,
демоны второго, третьего, четвёртого рода...

Боже! пошли мне силы!
или хотя бы лето!

Это
даже Тебе
под силу!
(Плод вечно спелый
не упадёт!)
Ты ведь сам пожелал, чтобы всё шло по кругу...
Почему же Ты время прямолинейным сделал?
Почему так поздно позволил мне встретить друга?
Почему позволил
Тебе
задавать вопросы?
Почему позволил Себе
не давать ответы?
Почему, почему я в Тебя никогда не смогу поверить?!

Глаз,
который Ты скопил на меня, —
мой же глаз,
на тебя взирающий косо...

56

VI

Голова моя давно затерялась.
Обхожусь пока без головы.
Где-то помнит она про жалость.
Полон рот синтетической травы.

Хорошо, что я её не вижу.
Хорошо, что не коплю обид.
Тело движется, утешенья нищет.
Голова ничего не говорит.

M'mg

57

VII

...раздавленным виноградом вместе с косточками и шкурками
заполняется бочка почти до самого верху,
оставляется сантиметров тридцать,
так как при брожении начнёт подниматься.
Бочка ставится в тепло на неделю,
по три-четыре раза на день
содержимое перемешивается

длинной деревянной

лопаткой.

Когда
в день седьмой
окончательно исчезает сладость
и появляется полная горечь,
слить со шкурок в другую бочку.
Шкурки отжать под прессом,
а чтобы косточки удалить со дна бочки,
ополоснуть её,
но не водой, а полученным горьким напитком.
Чтобы и эта пара литров не пропадала даром,

через дуршлаг отцедить в тот же сосуд.
Теперь всю жидкость опять слить в первую бочку,
опять в тепло на неделю,
на отстой.
Оно будет шуметь, сверху будет пена.
Когда перестанет шуметь, исчезнет пена —
вино готово.
Его переливают в бутылки
или в бочку закрытую.

58

Переливать осторожно, чтобы не всколыхнуть на дне
осевшие дрожжи.
Брожение и отстой — в открытой бочке,
но сверху накрыть её плёнкой,
накинуть старое пальто, одеяло, чтоб было теплее.
Вино —
как ребёнок,
с ним прежде всего нужна
осторожность.

M'mg

VIII

Нет такого предмета,
от которого человек отказаться не мог бы.
Человек и сам не очень-то понимает,
что ему действительно нужно.
Хорошо скрипке со смычком пересечься
в оргии звуков,
а каково распахнутому футляру?
Нужен ли человеку
такой предмет, как русалка?
Предмет ли русалка?

.....

Поэт ведёт свою речь
из невесть откуда в чёрт знает куда,
он и сам точно не ведает цели потока слов.
Сначала он призывает предметы рубить,

потом — любить,
потом говорит, что

вообще-то это беда,
что предметы жадно сосут человечесью яркую кровь...

Ну, а хоть бы и так — что её, кровь, солить?
Кровь на то ведь и кровь, чтоб её куда-нибудь лить:
то ли в душу-тело любимых,
то ли врагу в глаза,
то ли в пасть предметов несытую...
но не пролить нельзя!

60

Драгоценные чаши, переполненные нежным вином,
ходим, толкаем друг друга, курим, плюём,
вершим без счёту мелкие подлости, подвиги — иногда,
созерцаем друг друга, почти не зная стыда...

Оттого-то наше вино переходит в розовое желе,
никого-то, кроме себя, мы не желаем жалеть...

Просыпаюсь во сне для новых снов
и, не зная ещё, что сплю,
окликаю тебя:
«Обними!..
дай руку!..
люблю!..»
И тогда уж по-настоящему пробуждаюсь, одиночеством потрясён...

Впрочем, кто доказать способен, что и это не сон?

Значит, есть надежда проснуться в мире, где места предметам нет,
где неспешно течёт световой поток,
берега которого — свет...

Кое-где брусчатку асфальт ещё не закрыл,
кое-где брусчатка ещё не закрыла пыль,
кое-где и пыль ещё не закрыла соль,
кое-где и соль ещё не закрыла боль.

Ну и что с того, что в тысячу первый раз закат кровав?
Что с того, что в тысячу первый раз ты зовёшь слова?

Что твердишь свои заклинанья опять, опять и опять?
Сколько ни надрывайся — живую кровь не создать!

61

Ученик
колдуна,
преврати это
слово
хотя бы
в нож!
Ничего ты не можешь...
На улице —
снова
дождь.

Белый дождь,
непрозрачный круг,
дай ты нам вернуться на Юг!

А в ответ хохочет снова и снова
красный предмет — трамвай:
«Вот и ты — ещё один —
предал
Слово...

Что ж, наливай!
Будь здоров, не суши себе даром голову:
эликсир ли, яд?
Для того, кто куплен с костями Городом —
нет дороги назад!».

Значит, вот что с нами делает Магазин...

62

.....
Можно страх и смерть на комиссию сдать,
страсть и ум напрокат получить.
Есть в продаже всё
— ну, почти что всё, —
но за всё предстоит платить.
Шарит по углам
телекамеры хищный клюв:
это кто же там
вздумал безвозмездно сказать:
«...люблю...»?!
Знаменательный лозунг века:
«Купи — продам!».
И уже не белый дождь —
серый ветер —
в дрожь — по следам.

.....
*Сборка противогаза производится следующим образом:
в левую руку берут шлем-маску и правой
рукой присоединяют к ней винтной гайкой
гофрированную трубку. Затем в правую руку
берут коробку (гофрированная трубка с опущенной*

*вниз шлем-маской остаётся в левой руке)
и завинчивают её до предела в накидную гайку
гофрированной трубки... Предварительно осмотреть коробку
и трубку на предмет наличия*

проколов, прорывов,

*пробоин, вмятин,
ржавчины пятен...*

63

Никакому сплаву ржавчины не избежать...
Не пора ли тебе задержаться, смакующий

смерч в горсти?
Не пора ли остановиться и свет прижать?
Говоришь:
«Виноват — казни,
но за что же страдать другим?»
Да хотя бы за то, что твоя готовность — наглая ложь!
Даже в страшном сне не сумевший шагнуть сквозь огонь

нагим,
наяву
и в костюме асбестовом
не пойдёшь.
Твой талант уходит на то,

чтобы уходить от ответа

блистательно: дескать, мы не рабы.
Чтобы так, как ты, ненавидеть предметы,
надо плотью от плоти
и костью от кости
предметов

БЫТЬ.

64

IX

Свет, сквозь предметы идущий, окрашивается ими.

Утро на стене цвета штор,

рисунка занавесок,

в полоску от жалюзи.

Упоительно вино в стакане на свет.

Тушёное мясо не пропускает свет, золотится.

Ладонь таинственно розовеет

и — интенсивно — палец

над кнопкой лифта.

Свет в затылок, твои чудо-волосы, зубов белизна,

и глаза мои наполняются бешеной ревностью

к моему рту.

X

Любимая, постой! Зачем нам путь
по холоду, вне времени и места?
Прошу:
«Ты только будь!
Ты только будь!» —
я, говорить вне тела не умевший.

Писать — да это гвозди в водоём
бросать — вещь не в себе — и вечность — даром.

.....
Но мы живём над рыбой,
мы живём,
кружа
меж наводнением и пожаром.

M''mg

66

8

СУМЕРКИ ПРЕДАТЕЛЯ

непоэма

Lmg

68

...ОН ОМЫЛ СВОЁ ТЕЛО...
Эпос о Гильгамеше.

...крича от жажды...
София Парнок.

...и в огонь полетели мы вместе...
Юрий Зморович.

1.

Взгляните, как мы хорошо поём,
как мы великолепно предаём,
как наших крыльев радостный окрас
страшней в ночи пульсирующих трасс!

(Вносите деревянного коня!
Огня сюда, сограждане, огня!
Но не затем, чтобы подарок сжечь,
а чтоб видней, где под колёса лечь.)

Вот и сейчас —
ты ищешь точных слов,
ты молишься своим полубогам,
а памятью твоею правит кровь,
она уходит в землю по ногам.
И, как всегда, торгует кровью ложь,
блестя, как заражённая вода...

Ты снова здесь.
Ты снова предаёшь,
к предательству прикован
навсегда.

70

2.

Ещё хлещет струя, ещё пенится жёлтая смесь:
кровь и совесть моя, кровь и соль, кровь и сон, кровь и смерть.
Ещё тычется пульс, ещё кожу стремится пробить —
этот путь, этот путь, этот путь, этот путь,
на котором ни петь, ни любить.

В море тонет перчатка, но пальцы ещё над водой.
Воздух тянется сладко, и я за стеклом — молодой.
И не ведает тело, что осуществлён приговор,
и томится по крови и пеплу, и вяжется в спор.
Это время журчит, по камням и асфальту струясь,
это там, это тут, этот путь, эта тьма, эта грязь...

3.

...сон, еда, сон, еда, сон...

...постоянно твердит, что хочет-де пить...

...дин, дин, дон...

...постоянно твердит, что не хочет-де жить...

...ТЫ, ОН...

4.

Расскажи мне, что ли, о Всё Видавшем,
Всё и всех повидавшем, себя предавшем.
Предавал сначала чужих и голых,
чей сквозь линзу часа чуть близок голос.
Предавал бессонно, самозабвенно,
как звериный зов предаёт антенна.
Предавал и закон с вершины Синая,
и тебя, любовь моя нутряная,
предавал...
А когда о предел запнулся,
то приснилось предателю, что проснулся.
И во сне пробужденья, бесплодно-длинном,
был разъят и съеден, омар в гостинной,
облепиховый мастью, бунчужный телом...
И трясина всосала скелет по темя...

Так расскажи мне о Всё Видавшем...

73

5.

...он, подобный латной перчатке,
жесткий снаружи, пустой внутри,
раздраженный на сто четыре части,
позабывший в сердце ноги свои;

я, подобный нежной медузе,
чья кровь — синильная кислота,
что ни сделавший в этом странном союзе,
всё не то, не туда, не так;

ты, потомок вихря (рабы его — флаги —
отступают в полном порядке вниз,
в цитадель изз веленовой плотной бумаги...)...
— Не шагни на карниз!

(Жест, должно быть, сильнее всего на свете,

жест спокойно выводит из тупика,
жест легко раздирает все липкие сети —
но для жеста, как минимум, нужна рука.)

Солитер солярию не товарищ.
Друг Народа народу враг не всегда.

- Ты убьёшь меня?
- Да, убью.
- И зажаришь?
- Нет, сварю.

- И полюбишь?
- Да. Навсегда.

74

...ДАЙ-ТО БОГ!!!
Наконец я забуду голод,
горечь в горле, тоску и наглую боль!
(Он — броня; я — изнанка, не то что голый.)
Наконец, наконец я стану
Тобой!

??

75

6.

А если б жажду можно было утолить,
когда и кто её бы жаждой называл?
А если б тело — не затем, чтоб кровь пролить?
А если б жизнь — не меж смертями интервал?

Вокруг всё та же дивная страна.
Трамвай грохочет, под названьем "скорый".
Романс жестокий слышен из окна:
"Прошла любовь, завяли помидоры..."

7.

Изменения, конечно, происходят, но все они бывают только к худшему. Когда видишь из окна троллейбуса юношу и девушку, идущих, взявшись за руки, и лица у них...не скажу: счастливые... человеческие!.. так хочется выбежать к ним и сказать: "Расстаньтесь, расстаньтесь немедленно! Вы сейчас на вершине счастья, дальше будет только хуже... Нет, конечно, будут ещё хорошие минуты — но всё будет хуже, хуже и хуже..."

Время безжалостно, безжалостней даже человека — хотя безжалостней человека трудно кого-нибудь найти. Становится грубой и дряблой нежная кожа — на лице, на груди. На шее, в ложбинке, куда так любят целовать влюблённые и втыкать нож убийцы.

Мы все хотим иметь много денег, но сколько это: "много"? Тысяча, десять тысяч, сто? Большинство из нас никогда не держали в руках больше одной зарплаты за раз, но много — это нечто совсем иное.

Это такое количество, когда отношение к тебе меняется качественно. Когда тебе доступно практически всё. Когда ты мчишься в своей машине на красный свет, и тебя останавливает постовой, а ты даёшь ему купюру, и он

козыряет тебе — можешь ехать на любой свет: красный, зелёный, фиолетовый.

Так вот, имея такое количество денег, можно приобрести огнёмёт. Именно огнёмёт. Можно собрать в одном месте всех, кого ненавидишь (а таких за жизнь накопилось немало). Можно купить людей, которые приведут их в нужное место. Можно купить людей, которые сделают так, что это пройдёт безнаказанным. Кто не купится на тысячу, купится на сто тысяч. Кто не купится на миллион, купится на сто миллионов. Купить можно всех и всякого, только у каждого своя цена. Ну, почти всех.

И вот, когда э т и собраны в одном месте, можно их сжечь. Своими руками.

77

И вот тут-то начинается самое страшное.

Что дальше?

Ненависть хоть как-то питала жизнь, но теперь, когда объект ненависти уничтожен, как жить? Зачем? Душу человека, сжираемого ненавистью, можно уподобить дереву с дуплом. Дупло всё растёт, становится больше ствола; это чёрная дыра, засасывающая всё...

И вот, оказывается, некого и нечего засасывать более... разве себя...

??

78

8.

Ошибся ты, старик Хайам:
я пил вино и не однажды;
оно (о Господи, отдам
всю кровь!) не утоляет жажды!

Как жажда сушит изнутри,
несёт, раскачивает, мучит!
Ну что же трусишь ты? Смотри!
Ты думал: спящим будет лучше?

Смешались гнусность и жара,
сравнились голод и отвага,
и только жажда, как вчера...

Сильней по-украински:

"жага"!

79

9.

...Национальность. Партийность. Степень владения русским языком. Данные о родителях. Отношение к выполнению общественных поручений. Нравственные качества, интересы, связанные с воинской службой. Трудолюбие, добросовестность. Самостоятелен, способен вести за собой, подчиняется чужому влиянию, общителен, держится отчуждённо. Реакция на критику товарищей и старших безразличная, агрессивная, адекватная. Наблюдательность, сосредоточенность, отвлекаемость. Сообразительность, понятливость. Целеустремлённость, решительность и другие волевые качества. Уверенность в себе. Преобладающее настроение. Поведение в сложных и конфликтных ситуациях. Громкость и разборчивость речи. Особенности почерка. Устойчивость к укачиванию. Курение, употребление алкоголя, наркотиков. Странные, необычные поступки и наклонности. Неискренность, лживость. Социальная зрелость...

10.

Я иду, не задумываться стараясь над тем, почему ступня
такой малой площадью вертикальное держит тело.

Я иду; время тоже ходит внутри и вокруг меня.

"Плод срывается спело".

Я иду; дети лизут мороженое, зубы у них целы;

колбаса уходит в фольклор, ей приветливо улыбаются ананас и рябчик.

Я иду, и вращается время внутри и вокруг бензопилы...

— Друже, позычь рупчик!..

Ох, какая ретруха! теперь говорят не так;

Что-то шепчет мне старомодный металлорок,

он же — электрический фатум.

Старший товарищ убедительно просит меня не бояться, разжать кулак

и, когда я отказываюсь, вежливо покрывает матом,

словно глазурью. Видеть теперь трудней,
но я продолжаю двигаться,
ведь не каждый день вдохновение, не всегда такая везуха.
И, конечно же, пляшут на пляже нежные девушки — эй! —
и бритвы им раскрывают рты от уха до уха,
словно на широком экране,
и светятся зеленоватые волосы их, сами знаете
почему,
знаете все, только говорить не хотите;
и всё это уходит в копошащуюся полутьму,
город стыда и страха, безаварийный Китеж

81

И если раньше жил в камере смертников,
апелляцию за апелляцией посылая
вдаль,
то теперь узнаёшь, что приговор утверждён и апелляций больше не будет,
но зато патронов не завезли, так что дыши покамест и прицепи медаль
как-нибудь поинтересней, — ну, например, подмышку! —
пусть побалдеют люди.

Так ничему и не научился.
А ненависть не даёт плодов.
Это тебе не магический реализм вдоль всех Америк.

Я иду. Уголками губ улыбается командор
Витус Беринг.

11.

...невыносима лёгкость
чудовищной, сосущей пустоты.

Куда теперь свою направить лопасть?

...зачем ещё вообще летаешь ты?

И гибели ощупывая прелость
(ох, надоел!), предсказанной стократ,
кого призвать, чтоб уничтожить тело?

...хотя об этом вслух не говорят...

12.

М.

83

Отец мой, ты так на меня похож,
как бред походит на бред.
Так пусть же меня не отыщет нож —
я должен в огне гореть.

Стальное стекло —
виноват ли, рад,
Что дотянул до седин.
Но это тебя не касается, брат —
я должен гореть один.

Сестра и душа моя, будь добра —
живи, говори с травой!..

Пусть боль моя движется до утра,
я должен гореть живой.

Спустился по ниточке паучок —
разбить письмо, умереть...
Тебе-то зачем это, дурачок?
Я должен один гореть.

Твоя паутинка — радужный луч —
прочтёт мне мозг и плечо
и капнет бензином в одну из луж —
гореть
отвратней
ещё.

84

В красивых словах ни смысла, ни зла,
и сердца не излечить.
И скулы, и лоб сотлели дотла,
и смрад от костра в ночи.

??

??

Оглавление:

ЮГ.....	3
РЯЖЕНЬЕ.....	21
МАГАЗИН ПРЕДМЕТОВ.....	49
СУМЕРКИ ПРЕДАТЕЛЯ.....	67